

Автор - Ирина Клеандрова, Калининград (Россия).

Предел

Журчит капель, сугроб на койке тает,
орут вороны – значит, скоро март,
и на полях амбулаторных карт
нарциссы и гвоздики расцветают.

Вдохнуть их сны, не видеть и не знать,
как пластик и металл скользят по коже,
как хрупок свет, и как на лимб похожа
больничных коридоров белизна,
стерильный храм небытия и грусти –
затёк в зрачки, и больше не отпустит,
пока не съест, не растворит до дна.

Но ты всё есть – и, значит, можешь всё:
скользить лучом среди лесного шума,
купаться в птичьих трелях, и не думать,

что принесёт весна, что унесёт.

Анкх

Я поднимаю ресницы – в глазах темно:
пыль на губах, душный мрак, холод стен и ложа...
мне бы рыдать – но я умер давным-давно,
призрачный Нил остриё пирамиды гложет,
трассами спутников вышиты небеса,
катят столетия хлопьями мутной пены...
что мне слова? – так когда-то я думал сам –
не умирать, быть живым, или быть нетленным:
быть, не дряхлеть, не попасться Маат на суд,
анкхом сворачивать мир – до его предела...

...ты засыпаешь – и волны тебя несут,
маску срывают с лица, отбирают тело,
имя – и только душа, уцелев в ветрах,
рвётся сияющей бабочкой из ладони...
братья, наложницы, слуги – теперь лишь прах,
прах – как и всё, что я видел, любил и помнил:
куклой на дне саркофага лежу и жду –
что напоёт суховей, принесёт река мне...
смерти избегнув, я заперт один в аду –
выжатый, жалкий, немой, утонувший в камне –
а ведь жрецы убеждали: почётно, мол,
в золоте лёжа, дожждаться ладьи Атона...

шорох песка, запах высохших трав и смол,
щёлканье жвал многоножек и скорпионов,
пыльное небо, торжественный ход планет
в космосе черепа, вкус миндаля и меди,
шёпот самума, которому дела нет
ни до кого – ни на том, ни на этом свете,
мёртвая тяжесть лучей ледяной луны –
дом, милый дом...
над гробницами тени пляшут...

но и во тьме у меня остаются сны –
вечные сны и надежды –
мои и ваши.

D.country

Низки яблочных бус в почерневших сухих руках.
Избы в землю вросли – ни колодца, ни уголька,

утонули во мху, поросли разнотравьем крыши;
бирюза сквозь берёзы – сияет, как снег, кора,
ветер пахнет покоем и негой сомлевших трав,
акварельное небо полуденным жаром пышет.
По упавшим крестам, по дорожкам шныряют мыши –
будто стали бесшумны, бессмертны –
но кошка слышит, кошка рядом:
прыжок, влажный хруст – удался обед! –
кошка щурится, сладко зевает, и гаснет свет
над заброшенным кладбищем и одичавшим садом.

И, пока мир по горло ночной тишиной залит,
кошка любит лежать в изголовьях могильных плит,
слушать паданки стук и совы сумасшедший хохот,
чуять тяжесть надгробий и мерную дрожь земли,
сниться спящим во тьме, в мёртвой хватке корней и глин,
донося в их ничто запах яблок и неба крохи.
Мягко светят глаза, как бутылочное стекло,
обещая: она будет рядом, прогонит зло,
будет греть и баюкать, пока не настанет утро,
и сновидцы не встанут из плена своих гробов –
будто это и есть всё сияние, вся любовь,
что нас ждёт за холодным дыханием абсолюта.

